

Аналитический Бриф

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ: РАМКА ДЕЙСТВИЙ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Елена МАРЗАК, эксперт по безопасности и стратегическим коммуникациям

Республика Молдова сегодня находится в одном из самых хрупких и спорных информационных пространств Европы. Гибридные давления, подпитываемые главным образом Российской Федерацией, используют исторические, социальные, экономические и институциональные уязвимости, превращая информационную среду в поле стратегического противостояния. Война в Украине, энергетические кризисы, экономические шоки и внутренние политические напряжения усиливают эту картину, в которой столкновение между нарративами Кремля и сообщениями Европейского Союза происходит в условиях фрагментации, поляризации и общественной усталости.

Одновременно европейская коммуникация, несмотря на чёткую направленность на реформы и интеграцию, часто воспринимается как техническая, отстранённая и трудно переводимая на повседневные реалии граждан. Сообщения о главах переговоров, условности, *acquis communautaire*, макроэкономической устойчивости или энергетической интерконнекции являются корректными с технической точки зрения, но не всегда отвечают на непосредственные вопросы людей:

«Как изменится моя жизнь?», «Что означает ЕС для моей зарплаты, счета за коммунальные услуги, школы, больницы?». Между этими двумя полюсами — ревизионистским актором, который коммуницирует эмоционально и агрессивно, и Европейским Союзом, который коммуницирует рационально и процедурно — Республика Молдова вынуждена сформулировать собственный голос, собственные интерпретации и собственные приоритеты.

Внутреннее информационное пространство глубоко фрагментировано.

- **Молодёжь и городская аудитория** черпают информацию преимущественно онлайн, перемещаясь между социальными сетями, видеоплатформами и альтернативными каналами, часто без критической фильтрации.
- **Сельское население и пожилые люди** остаются привязанными к традиционному телевидению — в основном на русском языке или с контентом, сильно влияющим на российскими нарративами.
- **Автономия Гагаузия и Приднестровский регион** живут в медиасреде, почти полностью зависимой от Российской Федерации — как на уровне контента, так и на уровне информационной инфраструктуры.

В этих условиях различается не только доступ к информации, но и сама воспринимаемая реальность. Функционально информационное пространство Республики Молдова состоит из нескольких отдельных медиа-экосистем, которые функционируют почти автономно друг от друга. Взаимодействие между этими параллельными сферами ограничено, а механизмы межобщественного диалога и доверия остаются хрупкими и недостаточно развитыми.

Эта фрагментация пересекается с хроническим уровнем недоверия к государственным институтам, подпитываемым годами коррупции, нестабильности и невыполненных обещаний.

” Последовательные кризисы — пандемия, энергетический кризис, инфляция — создали ощущение усталости и социальной уязвимости, которое враждебные информационные операции систематически используют.

Опросы показывают высокий уровень воздействия дезинформации, в то время как лишь часть населения чувствует себя способной распознавать и отвергать манипулятивный контент. Разрыв между уровнем воздействия и способностью к фильтрации — то, что можно назвать «поведенческой резильентностью», — как раз и представляет собой пространство, в которое легко проникают пропаганда, конспирологические теории и нарративы, направленные на демобилизацию общества.

Российская Федерация продолжает использовать эту уязвимость через простые, эмоциональные и интенсивно повторяемые сообщения: «Европа приносит войну, Россия приносит мир»; «Европейская интеграция противоречит нашим традиционным ценностям»; «Демократия — это фасад, контролируемый извне».

«Нейтралитет означает не приближаться к Западу» Эти сообщения появляются не изолированно, а являются частью сложного

гибридного арсенала: кампаний дезинформации, сетей троллей и «инфлюенсеров», клонов официальных сайтов, дипфейков, кибератак, непрозрачного финансирования политических и медийных акторов, инструментализации церкви и языковой идентичности.

В противовес этому сообщения Европейского Союза делают акцент на реформах, законодательстве, борьбе с коррупцией, укреплении институтов, интеграции в единый рынок, энергетической безопасности. С точки зрения управления государством эти приоритеты являются фундаментальными. Однако с точки зрения коммуникации они рискуют остаться абстрактными, если не будут переведены в конкретный, осязаемый опыт для рядового гражданина. Здесь и вступает в игру ключевая роль государства: Республика Молдова больше не может позволить себе быть лишь получателем внешних сообщений — будь то из Брюсселя или из Москвы. Ей необходимо сформулировать собственный нарратив, основанный на ценностях Конституции — демократии, верховенстве закона, правах человека, плюрализме, нейтралитете — а также на собственных стратегических целях, прежде всего европейской интеграции и укреплении устойчивости.

В этом контексте стратегическая коммуникация — это не имиджевое упражнение, а инструмент национальной безопасности. В международной и внутренней среде, характеризующейся гибридными угрозами, эффективная стратегическая коммуникация, основанная на проактивных нарративах и адаптированная к социальным, культурным и политическим особенностям страны, становится оперативным инструментом для достижения национальных целей, управления кризисами и противодействия гибридным атакам. Стратегическая коммуникация способствует поддержанию внутренней

сплочённости, сдерживанию враждебных акторов, мобилизации международной поддержки и эффективному управлению сектором безопасности, одновременно противодействуя иностранным информационным манипуляциям и продвигая демократические ценности.

Стратегическая коммуникация Республики Молдова находится под влиянием геополитического контекста, энергетических кризисов, хрупкости экономики, сепаратизма, политической (не)стабильности, низкого уровня доверия населения к государственным институтам, а также всего спектра гибридных угроз. Поэтому стратегическая коммуникация должна осуществляться в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности и Национальной стратегии обороны, чтобы способствовать поддержанию, защите и достижению национальных целей безопасности как в мирное время, так и в условиях кризиса или конфликта.

Ключевым элементом является то, что национальные стратегические документы уже очерчивают пять тематических столпов стратегической коммуникации:

- европейская интеграция;
- социальная сплочённость;
- экономическая устойчивость;
- укрепление обороны;
- региональная безопасность.

В сфере **европейской интеграции** стратегическая коммуникация должна чётко объяснять преимущества присоединения, опровергать дезинформацию о потере суверенитета или «скрытых издержках» интеграции, а также связывать реформы с конкретными результатами для граждан.

Что касается **социальной сплочённости**, коммуникация должна продвигать инклюзивную национальную идентичность, бороться с раскалывающими нарративами и укреплять доверие к демократическим институтам.

В **экономической** плоскости стратегическая коммуникация обязана показать, почему энергетическая независимость,

структурные реформы и сближение с европейским рынком являются частью стратегии безопасности, а не только экономического роста.

В сфере **обороны** коммуникация должна объяснять, каким образом можно модернизировать сектор безопасности при сохранении статуса нейтралитета, продвигая культуру безопасности среди населения.

На **региональном** уровне стратегическая коммуникация выполняет задачу проецирования целостного образа Республики Молдова как нейтрального государства, которое, тем не менее, конструктивно вовлечено в европейскую архитектуру безопасности и сотрудничество с ЕС, НАТО и ООН.

Ещё одним ключевым уровнем является межведомственная координация. Без чёткого распределения ответственности и без координационной архитектуры стратегическая коммуникация рискует быть фрагментированной, реактивной и противоречивой. Анализ текущей ситуации показывает отсутствие единой коммуникации между ключевыми институтами — Президентурой, Правительством, Парламентом, учреждениями сектора безопасности — и необходимость создания интегрированной рамки для планирования и реализации стратегической коммуникации. Создание Центра стратегической коммуникации и противодействия дезинформации в 2023 году является важным шагом, однако его эффективность ограничена недостаточными человеческими и финансовыми ресурсами, а также отсутствием устойчивого механизма координации с другими профильными структурами. Отсюда вытекает необходимость создания Совета по стратегической коммуникационной политике при Правительстве, поддерживаемого секретариатом, который обеспечивал бы стратегическое руководство, согласованность сообщений и содействовал бы реализации решений на национальном уровне.

Параллельно стратегическую коммуникацию необходимо расширять за пределы столицы - в направлении местных публичных администраций, где зачастую и разворачивается борьба за доверие.

Примерии, школы, местные советы, церковь и общественные организации являются важными акторами в передаче и адаптации национальных сообщений. Без их активного участия и без программ по медиаграмотности и культуре безопасности местное пространство остаётся уязвимым перед внешней пропагандой. В этом контексте Республике Молдова необходима «сеть общественных коммуникаторов» — местных форматоров, которые объясняли бы реформы, разоблачали дезинформацию и служили мостом между национальными политиками и конкретными потребностями людей.

Третий уровень - это менталитет, институциональная и общественная культура стратегической коммуникации. Эффективная стратегическая коммуникация не может функционировать как изолированный отдел в министерстве или учреждении, а должна представлять собой интерактивную и самоподдерживающуюся систему, которая соединяет коммуникаторов, руководителей, экспертов, СМИ и гражданское общество. Необходимы высокая политическая ответственность, лидерство, а также постоянная профессионализация коммуникаторов.

Недостаток квалифицированных специалистов в области информационной безопасности, их миграция в частный сектор, ограниченные технологические ресурсы и институциональная фрагментация ослабляют способность государства выявлять угрозы и реагировать на них. Параллельно крайне важны постоянные усилия по развитию медиаграмотности и вовлечению граждан в процесс коммуникации — не только как пассивных получателей, но и как активных участников, которые могут сообщать о нарушениях, проверять и распространять достоверную информацию.

Рассматривая ситуацию под этим углом, опыт Республики Молдова представляет собой не просто национальный случай, но и ресурс для Европы. То, что сегодня тестируется в Кишинёве - от таргетированной дезинформации и кибератак до электорального вмешательства и эксплуатации энергетических уязвимостей, — завтра может быть воспроизведено и в других столицах. Точно так же решения, разработанные здесь могут стать моделями для других государств, включая

страны Восточного партнёрства или государства-кандидаты, такие как Армения.

Защита информационного пространства — это не только оборонительное упражнение, но и процесс демократического укрепления. Стратегическая коммуникация, рассматриваемая как инструмент безопасности и управления, способна превратить информационную уязвимость в катализатор модернизации. Сегодня Республика Молдова обладает и возможностью, и ответственностью показать, что небольшая демократия, находящаяся под гибридным давлением, может сохранять курс на европейскую интеграцию, если она чётко формулирует собственный нарратив и разумно использует международные партнёрства.

В фундаментальном смысле управление гибридными угрозами выходит за рамки технических решений и превращается в глубокий политический и общественный процесс. Оно требует укрепления пакта доверия между государством и гражданами, в рамках которого стратегическая коммуникация функционирует как инструмент объяснения публичных решений, прозрачного признания реалий и исправления ошибок. Через этот процесс постепенно формируется коллективная устойчивость общества, которое отказывается оставаться простым пространством для внешних влияний и утверждает свою способность самостоятельно формировать свой европейский путь.